

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ И МАРЬЯ ЖОЛТЫЙ ЦВѢТЬ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ царь; былъ онъ женатъ и овдовѣлъ. Поѣхалъ онъ искать себѣ невѣсту. Приѣзжаетъ въ одно царство. Тамъ три сестры—царскія дочери. Старшая и говоритъ ему: «если, говоритъ, царь, возьмешь меня, то я одной ниткой одѣну все твое войско!» Средняя говоритъ: «а я, говоритъ, одной крошкой накормлю все войско.» А меньшая говоритъ: «а если меня возьмешь, царь, я рожу тебѣ сына и дочь такихъ, что, говоритъ, въ свѣтѣ такихъ нѣту. Во лбу солнце, въ затылкѣ мѣсяцъ; а кругомъ волоса будутъ всѣ въ звѣздахъ.» Царь и говоритъ: для меня, говоритъ, это лучше; потому у меня войско одѣто и сыто.—Старшія сестры и говорятъ: «ну, возьми; она тебѣ родитъ *кутятъ* (*).» Взялъ царь меньшую сестру, приѣзжаетъ въ свое царство, женился на ней.

Пожилъ нѣсколько времени съ молодой женой. Жена сдѣлалась беременна. И отправляется царь на войну. «Ну, любезная супруга! Если Богъ дастъ, родишь хорошо, пришли мнѣ письмо. Вотъ я *здѣсь-то* (тамъ-то) буду стоять съ войскомъ.» Вотъ она черезъ нѣсколько времени послѣ него родила, по обѣщанію, сына и дочь съ такими примѣтами. Сейчасъ же написала письмо, призываетъ казака. «Послушай, казакъ! Вотъ тебѣ письмо. Отправляйся въ такое-то мѣсто къ царю; только, пожалуйста, что съ тобой дорогой ни будетъ дѣлаться, не заѣзжай никуда.» Казакъ осѣдлалъ лошадь, собрался совсѣмъ; взялъ письмо, положилъ въ сумочку; сумочку заперъ и положилъ ключъ въ карманъ; поѣхалъ, ѣдетъ нѣсколько времени хорошо.

Вдругъ пошелъ дождикъ; грязь эдакая сдѣлалась; потомъ

(*) Разсказчикъ не зналъ, что значить слово *кутята*.

сильный морозъ. Отъ дождя все это платье намокло; потомъ морозъ, все замерзло такъ, что нельзя ему ѣхать. Видитъ въ дали огонекъ. Приѣзжаетъ онъ къ этому огоньку. Видитъ: стоитъ домъ. Вышли изъ этого дома двѣ дѣвушки. «А, здравствуй! куда ѣдешь?»—Я вотъ, говоритъ, *сюда-то* ѣду. — «Останься ночевать. Куда теперь въ эту погоду ѣхать?» — Онъ очень радъ, убралъ лошадь, приходитъ въ домъ. Онъ его сейчасъ чаемъ напоили; дали ему закусить. Онъ легъ спать. А эти двѣ дѣвицы были сестры царицыны. Когда онъ легъ спать, онъ вынули письмо изъ сумочки; прочитали его. Взяли написали по своему: «прости меня, любезный супругъ, что я тебѣ обѣщалась родить сына и дочь. А вышло, сама не знаю что: ни люди, ни кошки, ни собаки.» Запечатали, опять въ сумочку положили. Казакъ встаетъ по утру, видитъ: сумочка его также виситъ, какъ прежде. «Слава Богу, никто не трогалъ!» Осѣдлалъ свою лошадь; поблагодарилъ ихъ и отправился въ путь.

Приѣзжаетъ онъ къ тому мѣсту, гдѣ царь стоялъ съ войскомъ. Сейчасъ подаетъ царю письмо. Царь не сталъ читать, положилъ письмо въ карманъ и говоритъ казаку: «ступай въ лагерь, вечеромъ прийди ко мнѣ». Вечеромъ онъ приходитъ къ царю. Царь и позабылъ о письмѣ. Сейчасъ взялъ письмо, началъ читать; задумался. Казакъ и говоритъ: «ахъ, ваше величество! какихъ вамъ Богъ далъ дѣтей». — Какихъ же? — «Я, говоритъ, сколько лѣтъ живу и много ѣздилъ, а эдакихъ никогда еще не видалъ». — Что ты, должно быть, куда нибудь заѣзжалъ?—«Виноватъ, ваше величество; заѣзжалъ въ такой-то домъ». Царь догадался, что это его жены сестры; написалъ письмо: «какія ни есть дѣти, чтобъ до моего приѣзда были сохранны». Отправилъ казака и приказываетъ ему, чтобъ никуда не заѣзжалъ.

Ѣдетъ казакъ и тоже самое съ нимъ случилось дорогой:

дождикъ и морозъ. И опять онъ подѣхалъ къ этому дому. Встрѣтили его двѣ дѣвушки и оставили ночевать. Онъ опять убралъ лошадей; приходитъ въ домъ; онѣ напоили его чаемъ, водкой; дали ему поужинать и положили его спать. Когда онъ уснулъ, они опять взяли письмо изъ сумочки, переписали, чтобы «къ моему приѣзду ни жены, ни дѣтей не было въ моемъ царствѣ. Кто будетъ ихъ содержать, строго наказанъ будетъ». Запечатали письмо, опять положили въ сумочку. Казакъ поутру встаетъ, видитъ: сумочка виситъ на томъ же мѣстѣ. «Слава Богу! говоритъ, сумочку мою не трогали». Собрался совсѣмъ, поблагодарилъ ихъ; отправился.

Приѣзжаетъ въ свое царство; отдаетъ письмо. Стали читать и удивились: «что такое?». — Царица и стала спрашивать: послушай, казакъ, ты куда нибудь заѣзжалъ? — «Виновать, говоритъ, заѣзжалъ.» Царица собрала всѣхъ министровъ; стала совѣтоваться съ ними, какъ лучше сдѣлать? Министры всѣ присовѣтовали, чтобъ ей остаться здѣсь во дворцѣ, а дѣтей отдать одной старухѣ въ городѣ на содержанье. Такъ и сдѣлали. Она осталась здѣсь, а дѣтей отдали старухѣ: чтобъ какъ можно хранила ихъ.

Кончилась война; ѣдетъ царь назадъ. Вдругъ съ нимъ тоже самое случилось, какъ и съ казакомъ: дождь, морозъ; видитъ: домъ стоитъ. Онъ заѣзжаетъ въ этотъ домъ. Въ этомъ домѣ сестры его жены. «Ну, что, говорятъ, царь? Мы тебѣ говорили, что она не дѣтей родитъ, а кутятъ». — Что дѣлать? Судьба, значитъ, моя такая. — Средняя сестра и говоритъ: «женись лучше, говоритъ, на мнѣ; а эту прогони». Царь и женился на второй сестрѣ. Ёдутъ они оттуда. Приѣзжаетъ царь въ свое царство; входитъ онъ во дворецъ; жена и встрѣчаетъ его. Онъ увидѣлъ ее; сейчасъ обнажилъ шпагу, хотѣлъ ей голову снести. Она пала на колѣни, стала просить прощенья. «Я, говоритъ, не виновата:

какъ я обѣщала, такъ и были у меня дѣти». Вторая жена и говоритъ: «нѣтъ, вонъ посмотри въ колыбели кутята». Царь посмотрѣлъ и видитъ, что тамъ какія-то гадины; разсердился и велѣлъ прогнать, чтобъ не было ее въ царствѣ.

А дѣтки эти были у старухи на содержаньѣ. Старуха узнала, что царь первую жену прогналъ; что слухъ идетъ: кто будетъ дѣтей содержать, строго наказанъ будетъ. Пошла на базаръ, купила простую бочку; дно у ней вышибла. Послала тамъ постель въ бочкѣ; положила туда дѣтей; засмолила и пустила на море. Дѣти плавали нѣсколько времени и прибились къ острову. На этомъ островѣ жилъ схимникъ, спасался тридцать лѣтъ и не видалъ не то что бочки, даже птицы пролетной. Видитъ бочку и на бочкѣ двѣ свѣчи горять. Подходить къ берегу; взялъ бочку, сталъ гасить свѣчи: свѣчи не гаснутъ. Разбилъ бочку; вынулъ изъ нее двухъ дѣтей; взялъ ихъ къ себѣ въ келью и любитъ ими. Ложится спать и думаетъ: чѣмъ же мнѣ дѣтей кормить? Поутру встаетъ; видитъ: на столѣ стоитъ горшечникъ съ вашей и булочка лежитъ. Сколько онъ не кормилъ дѣтей, булочки и каши не убавлялось. Такъ онъ воспитывалъ ихъ нѣсколько лѣтъ, лѣтъ до десяти. «Ну, любезныя мои дѣти! пойдите, я вамъ покажу, гдѣ вамъ выйти изъ этого острова». Шли они степью; онъ имъ показывалъ; потомъ пришли въ рощу. Идутъ рощей; онъ имъ кусты заламываетъ. «Вотъ здѣсь дорога будетъ, такъ и идите». Такъ онъ ихъ вывелъ на большую дорогу. «Теперь видѣли, гдѣ шли?» — Видѣли. — «Воротитесь назадъ!» Пришли они опять назадъ въ келью; жили нѣсколько времени. Въ одно время схимникъ ложится въ гробъ; гробъ поднимается и улетѣлъ неизвестно куда.

Они остались одни, прожили нѣсколько времени; скучно имъ стало и пошли они этой же дорогой, гдѣ имъ пока-

зываетъ схимникъ. Вышли они на большую дорогу. Была ужь ночь; некуда было имъ идти. Они перешли на большую дорогу, легли спать. Вдругъ ночью ѣдутъ извозчики (обозъ большой) и видятъ: что-то свѣтится. «Это, говорятъ, либо обозъ шелъ, останавливался, либо разбойники». Подѣхали ближе и пошли отыскивать: что такое?—Когда дѣти услышали разговоръ, проснулись, надѣли шапочки. Мужики сейчасъ ихъ отыскали, взяли къ себѣ. Одинъ говоритъ: «у меня сына нѣту, я мальчика себѣ въ дѣти возьму». Другой говоритъ: «у меня дочери нѣтъ, я дѣвочку къ себѣ возьму». Старшій изъ нихъ и говоритъ: «нѣтъ, говоритъ, нельзя вамъ ихъ взять: они, должно быть, *значительныя* дѣти. Лучше возьмете, отвезете ихъ въ городъ; въ городѣ пустимъ: тамъ какъ хотятъ». Такъ и сдѣлали.

Привезли въ городъ, пустили ихъ. Пошли они слободой и думаютъ: «куда же намъ теперь идти? Въ большой домъ насъ не примутъ; пойдемъ въ маленькій». Входятъ въ избушку; помолились Богу. Тамъ старушка сидитъ. «Здравствуй, бабушка!»—Здравствуйте, дѣтки. Старуха стала ихъ спрашивать: кто они такіе, откуда? «А сами не знаемъ; знаемъ только, что жили на островѣ. Папаша нашъ улетѣлъ. Мы и пошли искать себѣ пристанища». — Приѣзжаетъ казакъ, мужъ этой старухи; спрашиваетъ: это что за дѣти?—«Такъ, говоритъ, сами не знаютъ, откуда зашли».—Поговори, говоритъ, имъ: не останутся ли они у насъ *въ дѣти*? Побылъ нѣсколько времени этотъ казакъ, уѣхалъ. Старуха и стала имъ говорить: «что вамъ, дѣтки, таскаться? Лучше останьтесь, живите у насъ». Они остались у нихъ жить. Мальчикъ на дворѣ все убираетъ, чиститъ; а дѣвочка въ избѣ.

Живутъ они нѣсколько времени хорошо; имъ ужь лѣтъ семнадцать стало. Помираетъ казакъ этотъ, старикъ. Вотъ

казачій атаманъ приѣзжаетъ къ нимъ въ домъ и говоритъ: «отецъ померъ; не хочешь ли, говоритъ, ты заступить его мѣсто?» — Онъ говоритъ: съ удовольствіемъ. «Приѣзжай къ завтраму на смотръ.» Приѣзжаетъ онъ на смотръ. Самъ царь былъ на смотре. И такъ онъ царю понравился; царь на смотръ не такъ смотритъ, какъ на него. Такъ царь каждый день любовался имъ.

Узнала мачиха его, волшебница, что онъ живъ. Самой ей нельзя было извести его; стала отыскивать волшебницу. Отыскала старуху и говоритъ: «что хочешь возьми, только изведи казака и его сестру». Старуха и говоритъ: «есть у меня два предмета; если можно будетъ извести, хорошо; а нельзя, такъ ничего не сдѣлаешь.» Въ одно время приѣзжаетъ казакъ домой. Приходитъ къ нему эта старуха и говоритъ: «ну, молодой казакъ, самъ ты хорошъ и сестра твоя хороша; да изба у васъ не хороша. Вамъ нужно выстроить новую». — Хорошо бы, говоритъ, бабушка, да силъ нѣтъ. Она и говоритъ: «вотъ въ такомъ-то мѣстѣ гора объ гору трется и песочикъ точится. Съѣзди, возьми этого песочку, посыпь кругомъ избы и двора: у тебя все будетъ ново». Простилась и ушла. Казакъ подумалъ съ сестрой: надобно съѣздить. Приѣзжаетъ на смотръ и просится у царя на нѣсколько времени. Царь отпустилъ его. Онъ осѣдлалъ лошадь и поѣхалъ.

Ѣдетъ онъ дорогой. Видитъ: на встрѣчу ему идетъ старуха. «Здравствуй, говоритъ, Иванъ царевичъ!» — Фу, ты, старая! Какой я Иванъ царевичъ? Я казакъ, больше ничего. Поѣхалъ дальше; потомъ и говоритъ: «за что же я обидѣлъ старуху?» — Воротился назадъ, просить у старухи прощенья. Старуха ему и говоритъ: «то-то, батюшка Иванъ царевичъ, старыхъ людей не слѣдуетъ бранить. Ты куда ѣдешь?» — Я ѣду въ такое-то мѣсто, гдѣ гора объ гору трется; мнѣ

нужно песку взять. «То-то и дѣло; тебѣ надо заѣхать ко мнѣ!» Пріѣзжаетъ онъ къ ней. Она его напоила, накормила и спрятала его.

Вдругъ прилетаетъ сынъ ея, змѣй шестиглавый. — «Фу, говоритъ, маменька! что русскимъ духомъ пахнетъ?» — Ты, другъ мой, по руси леталъ; русскаго духу нахвтался! — Потомъ прилетаетъ девятиглавый змѣй. «Фу, говоритъ, маменька! что русскимъ духомъ пахнетъ?» — Ты, другъ мой, по руси леталъ, русскаго духу нахвтался. — Потомъ прилетаетъ третій сынъ, девятиглавый змѣй. «Фу, говоритъ, маменька! что русскимъ духомъ пахнетъ?» — Ты, другъ мой, по руси леталъ, русскаго духу нанюхался. — «Давай намъ обѣдать.» Стали они обѣдать, она и говоритъ: что если бы у меня былъ русскій человѣкъ, чтобы вы съ нимъ сдѣлали? — «Ничего», говорятъ. Она сейчасъ отворяетъ дверь и выводитъ Ивана царевича; они сейчасъ закричали въ одинъ голосъ: «здравствуй, Иванъ царевичъ! Далече ли путь держишь?» — Вотъ въ такое-то мѣсто, гдѣ гора объ гору трется, песочикъ точится. — Вотъ они сейчасъ поѣхали въ кузницу, заказали три ствола желѣзныхъ. Скоро были готовы, они и поѣхали къ этому мѣсту всѣ.

Подѣзжаютъ къ этимъ горамъ; видятъ: точно, гора объ гору трется, песочикъ точится. Бросили одинъ стволъ; его весь втянуло туда. Бросили другой; другой весь втянуло. Бросили третій и этотъ весь втянуло. Наконецъ назадъ съ другого конца песокъ пошелъ. «Ну, бери, говорятъ, сколько тебѣ будетъ угодно». Прощаются съ нимъ и говорятъ: «въ другой разъ поѣдешь, заѣзжай къ намъ непременно: потому тебя извести хотятъ.» Онъ взялъ песку; поѣхалъ домой. Пріѣзжаетъ, посыпалъ кругомъ избы и кругомъ двора пескомъ; самъ легъ спать. Поутру встаетъ и видитъ себя ужъ не въ прежней избушкѣ, а во дворцѣ. Смотритъ: и дворъ такой же отличный. Царь проѣзжалъ по этой слободѣ и видитъ этотъ

домъ; спрашиваетъ: «чей это домъ?» Говорятъ: такого-то казака!—Царь такъ былъ доволенъ, что его любимый казакъ такой домъ имѣетъ.

Въ одно время приходитъ къ нему опять эта старуха—волшебница и говоритъ: «ну, молодой казакъ, домъ ты себѣ выстроилъ. Теперь слѣдовало бы жениться». — Да хорошо бы, говоритъ, жениться, да невѣсты нѣтъ.—«Вотъ, говоритъ, есть невѣста: за тридесять земель въ тридесятѣмъ царствѣ царица Марья Жолтый Цвѣтъ.»—Какъ же мнѣ можно на царицѣ жениться: я, вѣдь, казакъ!—«Она, говоритъ, за тебя пойдетъ; она тебя ждетъ: у ней много было жениховъ.»—Поговорила эта старуха и ушла. Онъ переговорилъ съ сестрой; «ты часто, говоритъ, не здорова бываешь; мнѣ надо жениться.» Сестра ему и говоритъ: ну, чтожь? Въ добрый часъ! — Опять отправился къ царю и просить позволенія на нѣсколько времени отлучиться. Царь позволилъ. Простился онъ (казакъ) съ сестрой и поѣхалъ.

Приѣзжаетъ къ этимъ змѣямъ. Они его встрѣтили. «Далече ли, говорятъ, Иванъ царевичъ, ѣдешь?»—Вотъ въ такое-то царство свататься за Марью Жолтый Цвѣтъ.—«Ну, вотъ что, говорятъ, Иванъ царевичъ: приѣдешь въ ея царство, увидишь ты много каменныхъ статуй: это все женихи ея. И ты, если одно слово не скажешь, будешь каменный. Когда приѣдешь къ ней, не бойся; взойдешь во дворецъ; она сидитъ, шьетъ; на тебя смотрѣть не будетъ; ты скажи: «здравствуй, Марья Жолтый Цвѣтъ! Я твой женихъ!» Она махнетъ платкомъ, ты сдѣлаешься по колѣно каменный. Второй разъ скажи: «здравствуй, Марья Жолтый Цвѣтъ! Я твой женихъ.» Она опять махнетъ платкомъ, ты сдѣлаешься по локти каменный. Въ третій разъ скажи: «здравствуй, Марья Жолтый Цвѣтъ! Я твой женихъ, Иванъ царевичъ!» Непре-

мѣнно скажи, что ты Иванъ царевичъ, а то будешь каменный». Простился онъ съ змѣями; поѣхалъ.

Приѣзжаетъ онъ въ царство; видитъ очень много статуи каменныхъ, испугался. Входитъ во дворецъ; видитъ: она шьетъ. Онъ и говоритъ: «здравствуй, Марья Жолтый Цвѣтъ! Я твой женихъ.» Она махнула платочкомъ, онъ и сдѣлался по колѣно каменный. Онъ опять говоритъ: «здравствуй, Марья Жолтый Цвѣтъ! Я твой женихъ.» Она опять махнула платкомъ, онъ сдѣлался по локти каменный. Онъ въ третій разъ говоритъ: «здравствуй, Марья Жолтый Цвѣтъ! Я твой женихъ, Иванъ царевичъ!» Она сейчасъ подняла голову. «Ахъ, говоритъ, Иванъ царевичъ! чтожь ты прежде не сказалъ, что ты Иванъ царевичъ?» Сейчасъ она его сдѣлала живымъ. «Гдѣ же, говоритъ, намъ вѣнчаться въ моемъ царствѣ или въ твоёмъ?» Нѣтъ, я тебя въ свое царство поведу.—Она сейчасъ все свое царство завязала въ платочикъ. И поѣхала она въ его царство.

Приѣзжаютъ; сестра такъ рада, встрѣтила ихъ. Невѣста и говоритъ жениху: «ступай въ лавки, покупай то-то и то-то; тебѣ все безъ денегъ отпустятъ». Онъ купилъ все, привозятъ. Когда приѣхалъ, она ему и говоритъ: «ну, теперь ступай къ царю; проси царя съ царицей на свадьбу. Когда къ царю приѣдешь, царица будетъ тебѣ подносить вина, не пей. А будетъ около тебя вертѣться собачка, вылей на собачку, будто нечаянно. Когда поѣдешь, увидишь женщину, которая первая встрѣтится съ тобой; выйди изъ кареты, поцѣлуй у ней руку.»—Ѣдетъ онъ; видитъ: женщина идетъ. Онъ сейчасъ сталъ передъ ней на колѣна и поцѣловалъ у ней руку. И заплакала эта женщина. «Боже мой! что это со мной сдѣлалось? Прежде я сама въ каретахъ ѣзжала не въ такихъ-то, а въ царскихъ; а теперь молодой мужчина красивый *могъ* поцѣловать у меня, у такой старухи, руку!»

Приѣзжаетъ этотъ казакъ къ царю; проситъ царя на свадьбу. Царь очень радъ. «Съ удовольствіемъ, говоритъ, приѣду.»—Позвольте просить, говоритъ, и супругу вашу!—Она выходитъ и стаканъ вина ему выносить. «Хорошо, говоритъ; мы приѣдемъ; но выпей.» Онъ говоритъ, что «я не пью, говоритъ, вина никакого.»—«Ничего; выпей.» Онъ взялъ, будто нечаянно вылилъ на собаку: собака сейчасъ же издохла. Царь разсердился на царицу. «Ну, хорошо, мы приѣдемъ.»

Повѣнчались совсѣмъ. Царь приѣзжаетъ. Сидятъ за столомъ. А у Марьи Жолтый Цвѣтъ былъ привезенъ тазъ; въ тазу золотая вѣтка и на вѣткѣ три птички. Вдругъ одна птичка пропала. Эта Марья Жолтый Цвѣтъ и говоритъ: «послушайте, царь! Вотъ вы видѣли: три птички были у меня?»—Да, говоритъ, видѣлъ.—«Посмотрите, говоритъ, какъ онѣ плачутъ.» Царь видитъ: точно, онѣ плачутъ. «А третьюто украли здѣсь въ компаніи». Царь обидился; началъ разыскивать: у кого птичка. Обыскали всѣхъ: ни у кого не нашли. Стали обыскивать царицу: она (птичка) у нее въ карманѣ. Царь такъ разсердился на нее и ударилъ ее по щекѣ.

Вотъ Марья Жолтый Цвѣтъ и спрашиваетъ: «послушайте, царь: вы на первой женѣ женаты или на второй?»—Я, говоритъ, на второй женатъ. — «А гдѣ же ваша первая жена?»—Я, говоритъ, не знаю; что за охота толковать о такихъ пустякахъ?»—Нѣтъ, говоритъ, мнѣ желательно знать. Что же у васъ и дѣти были отъ первой жены?» Да, говоритъ, были кутяты.—«Нѣтъ, говоритъ, я слышала, царь, что ваша жена родила вамъ такихъ дѣтей, какихъ обѣщалась.»—Нѣтъ, этого быть не можетъ.—«Что же вамъ желательно видѣть своихъ дѣтей?» — Я бы съ удовольствіемъ посмотрѣлъ, если бы они были такія, какихъ мнѣ обѣщала жена.—Она снимаетъ съ мужа шапочку; потомъ съ мужниной сестры. Царь увидѣлъ, обрадовался.

«Что же, говорить, желаете вы видѣть вашу первую жену?»—Я бы, говорить, съ удовольствіемъ посмотрѣлъ, я бы взялъ ее къ себѣ, сталъ бы теперь съ ней жить. — Марья Жолтый Цвѣтъ сейчасъ приказала заложить карету и ѣхать въ такой-то домъ, взять женщину безъ всякаго разговора.—Приѣзжаютъ въ этотъ домъ. Она неидетъ. Насильно посадили ее въ карету, повезли. Царь увидѣлъ, обрадовался; сейчасъ же велѣлъ вторую жену къ лошадиному хвосту привязать и размыкать по чистому полю. А съ первой женой сталъ жить поживать.

(Записано мною въ с. Плуталовѣ, Зарайскаго уѣзда).

88.

ДВА ОХОТНИКА.

Жилъ былъ царь; и у царя былъ охотникъ; онъ на каждый день ему дичь доставлялъ. Нѣсколько лѣтъ онъ ходилъ на охоту и *пристарѣлъ*. И у него было два сына. Въ одно время приходитъ онъ къ царю. «Ваше величество, такъ и такъ, говорить, я пристарѣлъ; силъ моихъ нѣтъ; отставьте меня. У меня есть два сына; они могутъ вамъ дичь доставлять также, какъ и я.»—Царь и говоритъ: для меня, говорить, все равно. Ты одно жалованье получалъ, а сыновья двойное будутъ получать.—Вотъ охотникъ и говоритъ своимъ сыновьямъ: «ну, любезныя дѣти, во все мѣста ходите, гдѣ хотите стрѣляйте; только вотъ въ этотъ лѣсъ не ходите.»—Они ходили и доставляли дичь царю при жизни отца. Стало недоставать имъ дичи; стали они покупать; до того дошли, что жалованья стало недоставать на покупку дичи. Въ одно время они и думаютъ себѣ: отчего намъ отецъ не позволилъ въ этотъ лѣсъ ходить? Дай пойдёмъ!

Ходили, ходили по этому лѣсу; заблудились, цѣлый день проходили: некуда имъ идти и нельзя выйти. Старшій